

Рецензия

на выпускную квалификационную работу Белоусовой И. В. «Суверенность, свобода и политический романтизм в контексте XX века»

Высказывание о современности – именно так позиционирует свою главную цель Белоусова И.В. – занятие, безусловно, достойное социально-философского дискурса, если не сказать единственно возможное. Высказывание такого рода уже в самих условиях собственной возможности предполагает вопрос об уместности как форме: допустимо ли из той современности, к которой мы так или иначе себя относим (как представляется, излишне самонадеянно), прямое высказывание о ней. Ответ Ирины Вячеславовны – отрицателен: прямое высказывание невозможно как невозможны поэзия (Адорно и Хоркхаймер) или свидетельство (Агамбен). Невозможны не сами по себе, разумеется, невозможны после того травматического опыта XX века, который едва ли можно назвать завершённым или пережитым. Однако непрямое высказывание означает необходимость прямого взгляда – нужно-таки смочь, по словам Агамбена, всмотреться в бездну. Попытку этого прямого взгляда и осуществляет в своей работе И.В. Белоусова, взяв центральной фигурой К. Шмидта. Актуальность данного исследования, таким образом, не вызывает сомнений, ни относительно самой фигуры, внимание к которой привлечено как биографически, так и тематически с моментов первых публикаций и переводов, ни относительно социальной значимости и необходимости просвещения и прояснения самой возможности падения в бездну.

Другим измерением высказывания о современности является вопрос о кто/что говорения. Едва ли возможно высказывание о политике иначе, кроме как политическое высказывание. Здесь Шмидт – фигура весьма и весьма одиозная, но и требующая осмысления в контексте тех мыслительных тропов, которые со всей ясностью обнаруживают расхождение таких измерений политического как телеологическое и прогностическое, реальное и реализованное, наконец, трансцендентное и имманентное. Как справедливо отмечает Белоусова, обойти молчанием фигуру Шмидта не представляется возможным и в историко-философской перспективе (именно он вернул исследовательский интерес к фигуре Гоббса и, тем самым, актуализировал пересмотр консервативных и либеральных идеологий), так и в перспективе сугубо теоретической или идеологической (ведущей фигурой здесь выступает Х. Арндт, критикующей саму ткань политического у К. Шмидта). Однако рефлексивная петля втягивает всякого анализирующего высказывание о политическом как политическое высказывание непосредственно в круг политического. И именно этого измерения более всего не хватает работе, чтобы быть по-настоящему высказыванием о

современности. Автор умудряется обойти стороной дискуссию между А.Ф. Филипповым и Б.Г. Капустина относительно самой сути политического высказывания в контексте изданного Филипповым перевода Шмидта на русский язык. Учитывая то, что оба автора присутствуют в списке литературы, данное обстоятельство вызывает недоумение относительно возможности своей интерпретации (вовсе не хочется упрекать автора в малодушии или желании обойти столь неудобный относительно фигуры К. Шмидта вопрос, но и считать подобного рода дискуссию и ее результаты общим местом в российском интеллектуальном поле тоже нет ни малейших оснований).

Равным образом, в обращении к Х. Арндт и ее критике структуры политического, Белоусова указывает на то, что согласно видению политического и правового К. Шмидтом казус Эйхмана оказывается лишенным всякого смысла, а сам Эйхман – невиновным. Однако такого рода указание избегает дальнейшего анализа относительно собственных истоков: находит ли критикуемое понимание социально-политической сферы свои истоки в философии Т. Гоббса и новоевропейской метафизике, либо же речь о тех трансформациях, которые политическое обнаруживает непосредственно в концепции Шмидта. В первом случае следовало бы сравнить результаты или, по крайней мере, указать на такую возможность относительно различных проектов пересмотра и критики новоевропейской традиции (от уже упоминавшихся Адорно и Хоркхаймера до концептов биополитике, номадического и т.д., и т.д.). Во втором случае – необходимым был бы дальнейший анализ границ применимости тех концептов и новаций, которыми К. Шмидт, безусловно обогащает западноевропейскую социально-политическую мысль.

Наконец, высказывание о современности предполагает не только наличие позиции, в отсутствии которой нельзя упрекнуть И.В. Белоусову, но и предельную ее (позиции) очерченность, отчетливость не только автору, но и всякому, кому она предъявляется. Именно здесь и обнаруживается следующий ряд недостатков. В выводах из некоторых глав и особенно в заключении автор делает выводы, которые предполагают не только ряд посылок, наличествующих в тексте, но и целый ряд отсутствующих. Вполне вероятно, что это происходит из-за самоочевидности того, о чем автор умалчивает, но самоочевидность автора вовсе не обязательно является таковой для читателя. Именно здесь и обнаруживается, что высказывание о современности оказывается, скорее (или всего лишь) современным высказывание.

Следует, однако, отметить, что указанные недостатки носят рекомендательный характер относительно дальнейших исследований,

которые, безусловно, последуют. Рецензируемая работа написана хорошим литературным языком, отличается бесспорной актуальностью и оригинальностью. Исследование Белоусовой И.В. можно охарактеризовать как самостоятельное, законченное, оригинальное исследование, обладающее актуальностью и новизной. Содержание работы вполне соответствует теме исследования, положения сформулированы ясно. Не вызывает сомнений и личная заинтересованность автора в тематике исследования.

На основании вышеизложенного можно заключить, что выпускная квалификационная работы Белоусовой И.В. соответствует всем требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам данного уровня, а ее автор заслуживает высокой положительной оценки.

К.ф.н., ст.преп.

Мавринский И.И.